

— Что бы это ни было, Белкиэль, прекрати, – сказал он с суровым лицом. — Я не знаю, о чём ты думаешь, но... Стоит оставить всё это в покое.

— Тогда почему бы мне просто не подождать и не увидеть, как ты умрёшь? – лицо Белкиэля было холодным и непроницаемым, как лёд. — Не хочу.

Итон вдруг вспомнил давний разговор с ним.

[Не доверяй людям, Итон. Не все из них так хороши, как ты думаешь.]

[Что бы ни случилось, я не буду сожалеть, потому что ты веришь в меня.]

[О чём ты?]

[Разве можно проиграть дважды?]

[Ты совсем не слушаешь, когда я говорю, что это опасно?]

— Никогда.

[Я имел в виду не это, Белкиэль.]

[Делай, что хочешь.]

— Белкиэль, всё, что я делал, мой собственный выбор, – Итон расслабился и заговорил тихим голосом. — И ответственность за это несу я. Тебе незачем переутомляться.

Белкиэль ничего не ответил.

Давным-давно у Итона было такое же выражение лица. И, кажется, его невозможно переубедить.

— Я знаю, что ты много думаешь и переживаешь обо мне.

— Замолчи.

— Но я хочу, чтобы ты уважал мои желания также сильно. Этого достаточно для меня.

Белкиэль на мгновение замолчал, а затем потянул Итона за волосы, сильно сжимая их.

— Больно, Белкиэль!

— Мне не нравится.

— ...

— Этот цвет волос тебе совсем не идёт, – сказав это, Белкиэль убрал руку от волос Итона.

— Пойми меня.

— Если бы это был ты, ты бы понял? Я делаю всё это не просто так!

— Тогда просто наблюдая со стороны.

Белкиэль облизнул губы. Кажется, он не знал, какое у него теперь выражение лица. Итон остановился, глядя на человек, который едва сдерживал слезы и сжимал губы.

— В лучшем случае, можно было просто сломать печать. Зачем ты вернулся? Я не понимаю. Нет, не знаю. У меня нет намерений просто смотреть.

— Все совсем не так.

— Что?..

— Я не собирался возвращаться. Дело не в том, что печать сломалась, просто...

— ...

— Я только что проснулся.

— То есть... О чём ты говоришь?

Лицо Белкиэля ожесточилось. Это полнейший абсурд. Что значит “только проснулся”? Печать передавалась из поколения в поколения на протяжении тысячелетий.

— Я не знаю наверняка, – Итон тоже думал, что это странно, ведь печать сломать невозможно.

Незадолго до запечатывания у него была половина изначальной силы. И единственный человек, который мог сломать печать, давно погиб и ушел из мира. Этот человек Чарфина.

— Я просто предполагаю. Запечатывающий камень сломался из-за родившегося ребенка. Что-то могло пойти не так. Было слишком много переменных.

Итон думал, что никогда не узнает причину. Даже прожив долгое время, он не мог сопоставить факты.

— Теперь, если подумать, я проснулся... – сказал Итон приглушённым голосом. — Мы можем посмотреть все концовки. Должно быть, это последний подарок.

Итон не знал, почему Чарфина предала его. Но зачем тогда она рожала ребёнка? Если бы Итон не пробудился ото сна, никогда не узнал о происходящем.

— Итак, Белкиэль...

— Убирайся.

— ...

— Убирайся! – громко закричал он.

Итон встал с постели с горьким выражением лица.

— Прости, – он погладил Белкиэля по волосам. — И спасибо.

— Уходи...

Итон беспомощно застонал и ушел. Вскоре послышался звук открывающейся и закрывающейся двери. В темной комнате остался только Белкиэль.

— ...

Серебристо-голубые глаза, погружённые в темноту, ярко сияли. Его сжатые кулаки дрожали, а зубы со страшным звуком скрежетали.

— Сначала... С самого начала я думал неправильно.

Белкиэль выплюнул эти слова и плотно закрыл глаза.